

Слёзы Турана -23: Я – бык!

Category: Kitarcy

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -23: Я – бык! Я – БЫК!

События, всколыхнувшие огузские племена, заставили султана Санджара направить войска в верховья Аму-Дарьи. Возглавил их второй сын эмира Кумача. Эмир думал подавить возмущенных огузов без вмешательства Мерва. Но случилось так, что степняки разбили армию эмира Кумача и в одной битве убили второго сына эмира.

Известие настолько поразило и потрясло правителя Балха, что в народе пошел слух, будто Кумач, беседуя по ночам с джинами, перенимает их образ, пытаясь превратиться в быка...

На базарах Мерва шли толки о том, что в Балхе настоятели мечети объявили религиозный спор о различиях сун-нета – заповедей, данных аллахом через своего пророка и исходящих от пророка. Столько жить, ходить по грешной земле и не побывать на этом великом споре Абу Муслим не мог.

Распрощавшись с собратьями своего ордена в караван-сараяе, на базаре, абу Муслим раздал сбереженные за время пребывания в Мерве деньги и отправился с попутным караваном в далекий Балх. На всем пути через сыпучие пески дервиш старался помогать караванщикам на стоянках. В часы длинных привалов, когда погонщики верблюдов давали уставшим животным отдохнуть и подкреплялись сами, он на память читал им целые страницы из Корана. От добродушных степняков старец получал не только похвалу, они подкладывали на его черствый чурек жирные куски мяса.

Дорогу одолеет идущий. Ясным солнечным утром в дали, залитой багряным румянцем, показались очертания города. Караван остановили. И воины, и погонщики долго молились, благодаря судьбу за удачную дорогу. Переодевшись в праздничные платья, украсив верблюдов колокольчиками ковровыми подвесками, они направились на площади города. Вслед за ними, опираясь на палку и выкрикивая суфии из Корана, шел абу Муслим с большим

кокосовым орехом для подаяния.

Весь следующий день в кругу собратьев абу Муслим кружился в неистовой пляске вокруг одной из мечетей. Войдя в раж, дервиши кричали:

– Яху-яхак!

Многие падали. Но поднявшись, снова на всю площадь кричали:

– Яху-яхак!

И снова ломались и корчились, выгибались и крутились на месте, как волчки.

* * *

...Новые события происходили и во дворце. После тайного убийства сына, эмир Кумач совсем опустился и уверял, что он – бык... и его надо убить, как убили его сына, ножом под левый сосок груди...

Придворные врачи предлагали множество испытанных средств для лечения, но эмир не принимал ни одного из них, настаивая, чтобы его закололи как быка. Кумач требовал, грозил наказать заслушание...

Черные одичавшие глаза безумно шарили по разрисованным стенам дворца, искали одно и то же... Эмир осматривал колонны, взглядывал в самые отдаленные уголки и, не найдя сына, начинал снова и снова убеждать двух огромных мамлюков, сопровождавших его, выполнить его просьбу – заколоть... Во дворце говорили шепотом, ходили на цыпочках. По ночам не слышно было окриков стражи, – пароль передавался шепотом.

Кумач лежал в большой комнате дворца под покрывалом из собольих шкур. Длинный, мосластый, как верблюд, он тихо шевелил губами, и его большие опухшие глаза блуждали без всяких мыслей. Иногда он вздрагивал и, казалось, что-то вспоминал, пытаясь отбросить покрывало, но бессильная рука тяжело опускалась на тахту. Очнувшись от забытья, Кумач бросался к оружию, висевшему на стенах, и прежним зычным голосом призывал немедленно отомстить за сына. Но крепкие и настороженные телохранители осторожно укладывали тут же слабеющее тело на груды шелковых одеял. И могучий Кумач

становился кротким и беспомощным.

Радостную весть во дворец принес художник. Днем, вместе со слугами он развешивал новый приказ для мукомолов, перерисованный на сорока листах плотной шелковой самаркандской бумаги, и вдруг услышал, что в Балх, на спор великих имамов, едет звездочет, лекарь, философ и мыслитель – Абу Муслим.

Тут же навстречу каравану были высланы слуги с лошадей, украшенной дорогой сбруей и редким седлом. Но шейх сошел с верблюда перед крепостными воротами, и караванщики не могли найти его. И напрасно стражники строго предупреждали всех чайханщиков, купцов, владельцев караван-сараев найти шейха. Слух о том, что абу Муслима ищет эмирская стража, быстро облетел город. Дервиши вывели собрата через тайный ход за ворота и спрятали в ближайшем поселении до того дня, пока через верных людей не узнали об истинной причине поисков.

И тогда братья позволили ему объявиться. Во дворце абу Муслим долго выслушивал лекарей о симптомах и течении болезни, внимательно рассматривая слезы и мочу эмира...

По его требованию с базара принесли два больших, забрызганных кровью ножа и кожаный фартук. Четыре нукера, переодевшись в платья базарных оборванцев, запаслись веревками. Подготовившись к операции, абу Муслим приказал постельничьему: – Сообщите своему эмиру радостную весть: к его светлости идет с базара лучший мясник, который готов выполнить просьбу эмира – зарезать быка!..

Слуги бросились в покои эмира. Кумач, тихо шевеля губами, ходил по комнате, расписанной золотыми красками. Облаченный в парчевый халат, туго перетянутый бархатным поясом, он ладонью ловил перед собой невидимое и боязливо оглядывался на нукеров, стоявших у дверей спальни. Вошел постельничий. Кланяясь и улыбаясь, он заговорил голосом, напоминающим жужжание пчелы: – Долож-жить осмелюсь, наш свет и наша радость! Твоя сердечная просьба дошла до аллаха и сотворитель земли помог. Идет мясник, чтобы зарезать тебя, как быка, в левую часть груди. Ты об этом просил и людей, и аллаха.

Эмир с выпученными глазами остановился, прикрылся халатом и упал на колени. По его крупному исхудавшему лицу потекли

слезы.

– О великий Аллах, я знал, что ты услышишь мою молитву. Эй, кто там! Несите мяснику кишап (Кишап – напиток, приготовленный из ячменя). Пусть освежится после ходьбы от далекого базара. Точнее будет его рука. – Эмир покорно опустил на колени, вручая свою душу в руки Аллаха.

Абу Муслим шумно вошел со своими помощниками в комнату. Послышался стук ножей. Остановившись у дверей спальни, лекарь крикнул так громко и неожиданно, что эмир вздрогнул:

– Будь я проклят до седьмого колена, если эта работа мне не противна! Где этот глупый баран, которого я должен прикончить ударом ножа!

В ответ из спальни послышался голос эмира:

– Я здесь, войди скорее и сделай из меня харвар (Харвар – мясное блюдо)...

Абу Муслим снова ударил ножом о нож и переступил порог.

Эмир приподнялся с ковра, протягивая ему дрожащие руки.

– Отведите его во внутренние покои, свяжите покрепче и ждите меня, – приказал абу Муслим переодетым стражникам.

Рослые джигиты туго опоясали эмира шерстяной веревкой и поволокли в соседнюю комнату. Здесь повалили его на ковер и положили головой к Востоку, как это делали в Средней Азии со скотиной, приготовленной к забою. Абу Муслим наклонился над эмиром, ощупал левый бок, как это делают заправские мясники, и занес тесак над головой...

Из-за дверей с осторожным любопытством выглядывала придворная прислуга, стража и сановники. Виднелся белоснежный тюрбан эмирского лекаря.

– Спаси и помилуй, аллах, нашего мудрейшего эмира, отданного в руки этого недостойного дервиша! – неожиданно вскричал лекарь. – Что же мы стоим? Стража, разве вы не видите, что этот бродяга подослан сторонниками эмира Зенги. Стража, хватай его! Сейчас он сотворит непоправимое!

Но спокойствие начальника стражи сдерживало пыл почтенных мудрецов и лекаря. Он-то знал, что дервиш головой отвечает за здоровье эмира, и если не излечит Кумача, то завтра же его голова украсит шест на воротах дворца. Этого и хотели добиться

оскорбленные ученые Балха. Знал это и дервиш абу Муслим, который только после большого раздумья взялся за лечение Кумача. И в этом была своя тайна дервиша, хотевшего расплатиться с эмиром за давно нанесенную обиду.

Приложив руку к исхудавшему телу эмира, абу Муслим вдруг отпрянул от связанного и его лицо исказилось гневом и обидой, к удовольствию царедворцев. Но это была лишь уловка.

– Вах! – негодуя вскричал абу Муслим. – Кто сказал, что мне придется резать быка! Пусть опустеют глазницы на моем лице, если это не тощая кошка. Разве это бык? Он костляв, как бездомный пес... И мясо его не возьмут ни в одну лавку. Я не буду его резать, пока он не обрастет жиром. Принесите и дайте ему коровьего корма.

Эмир поднялся, озираясь и что-то бормоча.

– Развяжите его, – приказал переодетым воинам абу Муслим, – и поставьте в соседнее стойло. Пусть его на убой кормят до святой пятницы. В тот же день я снова приду с ножами. – Абу Муслим смотал веревки, собрал ножи, завернул в тряпицу точильный камень и вышел в коридор, где еще долго упрекал придворных за плохо откормленного, тощего быка.

Уставшего и обессиленного эмира перенесли на ковры в спальню. Спустя некоторое время ему дали лекарства, составленные абу Муслимом. Уверив эмира, что мясник придет с ножом в день святой пятницы, слугам удалось влить в Кумача первые дозы лекарства.

Бегая по коридорам дворца и саду, личный врач эмира радовался, нашептывая всем:

– Дервиша надо немедленно обезглавить. Как он смел нашего эмира назвать именем, которое не может выговорить мой язык! Кошунство и дерзкое издевательство этого оборванца не имеет границ. Пусть стража запрет ворота и не выпускает дервиша из дворца!

Лекаря поддерживали все ученые мужи.

– Надо подождать, – охлаждал пыл ученых начальник стражи. – Уже в третий раз за день эмир принял лекарство, а вы не могли ничего в него влить целый месяц!..

В дальнем углу дворца, укрытый от ветров и лишних взглядов

густой листвою виноградника, сидел абу Муслим. В какой раз он мысленно возвращался к утренним событиям. И ничто не выдавало волнения, которое он пережил в покоях эмира. Только сердце билось с невиданной силой, и удары его заставляли вздрагивать все тело, отдавались болью в висках. Кто знает, что было бы, не опомнись дервиш вовремя. Еще бы миг, движение – и он вонзил нож в сердце тому, кто много лет назад заставил его покинуть Мерв и нищим скитаться по необъятной земле в поисках правды и справедливости. Но, слава аллаху, который отвел занесенную руку и подсказал лучший способ излечения эмира.

Тихо читая заклинания, Абу Муслим усердно растирал сухие травы в пиале для своего заклятого врага.